

Письмо Ю. Ф. Самарина — А. И. Герцену*

Москва. Мая 9-го. 1858 года

Прежде всего обнимаю вас искренно и крепко жму вам руку. Спасибо вам за многое. Дело, вами начатое, займёт не последнее место в истории русского просвещения. «Колокол»¹ — это теперь единственный голос, к которому прислушивается Правительство; оно справляется с ним, как порядочный человек справляется с своею совестью. «Колокол» заменяет для правительства совесть, которой по штату не полагается, и общественное мнение, которым оно пренебрегает. Вы теперь, по своему положению, пользуетесь монополиею свободного слова. Вы можете говорить всё, а возражать вам никто не может: это такая же привилегия, как та, которую пользуются казённые издания; вся разница в вашу пользу. Печатный лист, выходящий под фирмою двуглавого орла, заподозревается общественным мнением ради одной этой вывески; напротив, запрещение, наложенное на издание, располагает читателей к сочувствию и доверию. Поэтому от вас более чем от кого-либо мы в праве требовать беспристрастия, правдивости и строгой добросовестности. Я уверен, что вы признаете законность этого требования и можете его выполнить. Иначе я не стал бы писать к вам этого письма.

К делу.

В предисловии к запискам Дашковой и в других ваших изданиях вы не раз называли Незабвенного² главою так называемых славянофилов, или староверов — что́, по-вашему, одно и то же, а нас — друзьями и поборниками его системы³. Я согла-

* Подготовка текста и комментарии Е. П. Емельянова.

1. А. И. Герцен и Н. П. Огарёв издавали газету «Колокол» вначале в Лондоне (1857–1865), а затем в Женеве (1865–1867). Первоначально газета выходила ежемесячно, с февраля 1858 г. два раза в месяц.

2. Славянофилы и западники называли «Незабвенным» Николая I.

3. В статье «Екатерина Романовна Дашкова», вышедшей в 1857 г. в «Полярной звезде», Герцен писал: «Когда Александр диктовал в Париже законы всей Европе одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потом? Воротиться опять за 1700 год и сочетать военный деспотизм с отчуждающей от всего человеческого царской властью. Этого хотели Николай, десяток повреждённых славянофилов и больше никто» (Герцен, 1957: 366). В вышедшей в 1851 году брошюре «О развитии революционных идей в России» он писал: «Славянофилы пользовались большим преимуществом перед *европейцами*, но преимущества такого рода пагубны: славянофилы защищали православие и национальность, тогда как *европейцы* нападали и на то, и на другое; поэтому славянофилы могли говорить почти всё, не рискуя потерять орден, пенсию, место придворного наставника или звание камер-юнкера. Белинский же, напротив, ничего не мог говорить; слишком прозрачная мысль или неосторожное слово могли довести его до тюрьмы, скомпрометировать журнал, редактора и цензора. Но именно по этой причине все симпатии снискал смелый писатель, который ввиду Петропавловской крепости защищал независимость, а все неприязненные чувства обратились на его противников, показывавших кулак из-за стен Кремля и Успенского собора и пользовавшихся столь широким покровительством петербургских „немцев“ <...> Что до подлинных славянофилов, то добрые отношения с правительством были для них скорее несчастьем, чем фактом желательным, но к этому приводит всякая доктрина, опирающаяся на власть» (Герцен, 1954: 238–239).

сен, что слить вместе Николая с славянофильскою партией и приготовить публику видеть и ненавидеть в них проявления одного принципа может быть не бесполезно для успехов противной партии; но так как это неправда, то пора бы бросить это оружие. Именно вам неприлично употреблять его. Николай — глава и покровитель славянофилов!.. Свой человек! Нечего сказать: очень он был добр для нас и много мы от него видели ласки. Переберите в своей памяти историю каждого из нас, начиная хоть с 1847 года. Чижова жандарм схватил на границе и повёз к Дуппелту, откуда его выпустили, запретив ему печатать что-бы то ни было⁴. Иван Аксаков сидел в III Отделении; потом, после службы своей в ополчении, обойдён был чином, на который он имел право по закону, благодаря стараниям просвещённого человека графа С. Г. Строганова, который указывал на него, как на вредного человека, развращающего ратников⁵. Я сидел в крепости и оттуда послан был на исправление к Бибикову в Киев⁶. Наше издание, «Московский сборник», было запрещено. С Киреевских, Хомякова, Аксаковых взята подписка ничего не печатать, помимо Главной Цензурной Инквизиции, что, как вам известно, равнялось безусловному запрещению печатать⁷.

4. *Чижов Фёдор Васильевич* (1811–1877) — искусствовед и общественный деятель, издавал журнал «Вестник промышленности» (1858–1861) и газету «Акционер» (1860–1863). В 1847 г. возвращавшийся из путешествия по славянским землям Австрийской империи Чижов был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость. Николай I, ознакомившись с его ответами на допросе, проводившемся начальником корпуса жандармов Л. В. Дубельтом, распорядился освободить Чижова и, запретив ему пребывание в обеих столицах, разрешил самому определить место своего жительства. Чижов выбрал Киевскую губернию, где занялся шелководством (см. подробнее: Пирожкова, 1997: 88–100).

5. *Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886) — поэт и выдающийся публицист. В 1852 г. возглавил издание альманаха «Московский сборник», в 1858 г. являлся неофициальным редактором журнала «Русская Беседа», в дальнейшем издавал газеты «Парус» (1859), «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868), «Русь» (1880–1886). В конце марта 1849 г. Аксаков, являвшийся в то время чиновником Министерства внутренних дел, был арестован в связи с неосторожными отзывами в письмах, перлюстрированных III Отделением, о деле Самарина (см. примечание 6) и провёл пять дней в штабе корпуса жандармов. После ознакомления Николая I с его ответами на вопросы III Отделения он был освобождён (Аксаков, 1988: 497–513). В 1855–1856 гг. Аксаков состоял казначеем и квартирмейстером Серпуховской дружины Московского ополчения, которое возглавлялось графом С. Г. Строгановым, известным своим покровительством западникам. Н. П. Гиляров-Платонов вспоминал о полемике под видом официальных приказов и рапортов, которая велась между Аксаковым и Строгановым во время их службы в ополчении (Гиляров-Платонов, 1886: 1–2).

6. В 1846–1848 гг. Самарин входил в состав комиссии Министерства внутренних дел, которая занималась ревизией городского управления Риги, являвшейся центром Остзейского края. Своё впечатление от работы комиссии он выразил в «Письмах из Риги», распространявшихся в списках и содержащих резкую критику порядков, царивших в балтийских губерниях. По доносу генерал-губернатора Остзейского края графа А. А. Суворова-Рымникого в начале марта 1849 г. Самарин был заключён в Петропавловскую крепость. Пробыв в крепости двенадцать дней, он был вызван к императору и после беседы с ним освобождён. Вскоре он был отправлен на службу в Симбирск, но через два месяца вследствие нового доноса переведён в Киев. В Киеве Самарин занимал должность правителя канцелярии известного своей суровостью генерал-губернатора Юго-Западного края Д. Г. Бибикова, проводившего в то время инвентарную реформу в крае (Самарин, 1889: LXXXVI–XCVI, CXXVIII).

7. *Киреевский Иван Васильевич* (1806–1856) — философ, публицист и литературный критик, сто-

По цензурному ведомству и по III Отделению вышло более 10 циркуляров, в которых славянофилы выставляются как опаснейшие враги Правительства⁸. Между тем, «Отечественные записки» и «Современник» издавались без перерывов, очень свободно; вы в них печатали «Кто виноват» и «Письма об изучении природы»⁹; Белинский проповедывал социализм и никто его не трогал¹⁰. Грановский и Кудрявцев читали лекции

являвшийся вместе с А. С. Хомяковым у истоков славянофильства. В 1832 г. издавал журнал «Европеец», в 1845 г. редактировал журнал М. П. Погодина «Москвитянин». Вместе со старцами Оптиной пустыни работал над изданием сочинений Отцов Церкви.

Киреевский Пётр Васильевич (1808–1856) — младший брат И. В. Киреевского, фольклорист. С 1831 г. занимался собиранием русских народных песен и записал несколько тысяч былин, духовных стихов и песен разнообразного содержания.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — поэт, богослов, философ, публицист, основоположник славянофильства. Отличался энциклопедической эрудицией и оставил сочинения по множеству научных и философских проблем. К. А. Коссович вспоминал о Хомякове: «Он требовал от всякого русского деятеля и от всей совокупности русских деятелей, т. е. от всей русской земли <...> самобытного просвещения, требовал внутренней умственной и духовной свободы. Как он был противником всякого вещественного порабощения и своим влиянием старался потрясти в русском обществе мнение о необходимости и законности крепостного состояния, так точно ненавидел он, всеми силами любящей души своей рабство умственное, рабство духовное» (Коссович, 2007: 494).

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) — поэт, филолог и публицист, один из идеологов славянофильского кружка, в 1857 г. издавал газету «Молва». Аксаков пытался преодолеть внешние стороны раскола между простым народом и образованным обществом, что выразилось в демонстративном ношении им русской народной одежды.

В апреле 1852 г. славянофилы приступили к изданию альманаха «Московский сборник». Первый номер сборника был пропущен Московским цензурным комитетом, однако уже второй выпуск было приказано представить для рассмотрения в Санкт-Петербург, где он подвергся двойной цензуре Министерства народного просвещения и III Отделения. В результате их совместных действий в марте 1853 г. второй том «Московского сборника» был запрещён, тогда же последовало высочайшее распоряжение, предписывавшее К. С. и И. С. Аксаковым, А. С. Хомякову, И. В. Киреевскому и В. А. Черкасскому предоставлять свои рукописи только в Главное управление цензуры (Пирожкова, 1997: 101–125; Тесля, 2010: 173–178). Красноречивое описание реализации этого предписания дал А. С. Хомяков в письме к министру народного просвещения А. С. Норову: «Маленький лексикон Санскрито-славянских слов и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Константина Сергеевича Аксакова о Русских глаголах прошла через полутора-годовое мытарство; то есть мы должны считать себя почти удаленными от всякой литературной деятельности» (Хомяков, 1900: 472).

8. Основные преследования славянофилов приходятся на эпоху «мрачного семилетия» (1848–1855), когда правительство, напуганное европейскими революциями, стремилось ликвидировать любые признаки свободомыслия в России. Среди участников славянофильского кружка наиболее жёстким цензурным ограничениям подвергся А. С. Хомяков. В 1854 г. после написания им стихотворения «России», где автор перечислял грехи страны и призывал её к покаянию, последовало предписание главного начальника III Отделения, по которому Хомякову запрещалось читать вслух свои произведения, не прошедшие одобрение цензуры (Хомяков, 1900: 318, 406–407).

9. «Письма об изучении природы» и роман «Кто виноват» были опубликованы Герценом в «Отечественных записках» в 1845–1846 гг.

10. *Белинский Виссарион Григорьевич* (1811–1848) — литературный критик, публицист. В 1839–1846 гг. являлся ведущим критиком журнала А. А. Краевского «Отечественные записки», в 1847–1848 гг. сотрудничал с издаваемым Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым журналом «Современник». В 1841 г.

до самой своей кончины¹¹; Корш издавал «Московския ведомости» под двуглавым орлом¹²; Ешевский получил кафедру¹³; Чичерин получит, когда захочет¹⁴. Кавелин — в добрый час будь сказано — читает лекции будущему Императору¹⁵... Скажите на радость, кто же в авантаже обретался, говоря языком Петра Первого? По крайней мере, если мы были друзьями и союзниками Незабвенного, то согласитесь, что мы искуснее скрывали свою дружбу, чем ваши свою вражду к нему. Или, может быть, ваши превзошли наших змеиной мудростью? — Может быть, но ведь вы бьёте не на то. — Знаете ли что: ваши друзья, здесь в России, давно откинули это старое обвинение в сочувствии с деспотизмом, которого нелепость мечется в глаза¹⁶; они теперь

Белинский страстно увлёкся идеями французского утопического социализма и, не имея возможности открыто излагать их на страницах журналов, активно пропагандировал социалистические взгляды в своих письмах и устных беседах.

11. *Грановский Тимофей Николаевич* (1813–1855) — историк-медиевист, лидер московских западников. В 1837–1839 гг. стажировался в Берлинском университете, где стал убеждённым сторонником гегельянства. В 1839–1855 гг. преподавал в звании профессора всеобщую историю в Московском университете.

Кудрявцев Пётр Николаевич (1816–1858) — историк-медиевист, друг Т. Н. Грановского. В 1847–1858 гг. преподавал всеобщую историю в Московском университете, в 1855 г., став преемником Т. Н. Грановского на кафедре всеобщей истории, получил звание профессора.

12. *Корш Евгений Фёдорович* (1810–1897) — журналист, переводчик и издатель. Активный участник кружка западников. В 1842–1848 гг. являлся редактором-издателем газеты «Московские ведомости», являвшейся официальным изданием Московского университета. В 1849–1851 гг. редактировал «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции». После раскола в редакции издававшегося М. Н. Катковым журнала «Русский Вестник» Корш возглавлял журнал «Атеней» (1858–1859), а в 1859–1862 гг. редактировал «Ведомости Московской городской полиции». В 1856–1862 гг. «Московские ведомости» редактировал его брат Валентин Фёдорович Корш.

13. *Ешевский Степан Васильевич* (1829–1865) — историк-медиевист, ученик П. Н. Кудрявцева. В 1855–1857 гг. являлся профессором русской истории в Казанском университете, в 1857–1858 гг. преподавал в Александровском сиротском корпусе в Москве. В 1858 г. стал преемником Кудрявцева на кафедре всеобщей истории в Московском университете, которую занимал до своей смерти в 1865 г.

14. *Чичерин Борис Николаевич* (1828–1904) — правовед, историк и публицист, один из представителей государственной школы в русской исторической науке. Почётный член Петербургской академии наук (1893). В 1861–1868 гг. являлся профессором государственного права в Московском университете, в 1882–1883 гг. был московским городским головой.

15. *Кавелин Константин Дмитриевич* (1818–1885) — правовед, историк и публицист. В 1844–1848 гг. преподавал государственное право в Московском университете. В 1857–1861 гг. Кавелин являлся профессором гражданского права Санкт-Петербургского университета, одновременно в 1857–1858 гг. преподавал русскую историю и гражданское право цесаревичу Николаю Александровичу. Был отстранён от преподавания цесаревичу после публикации в «Современнике» его записки об освобождении крестьян. В 1878–1885 гг. Кавелин являлся профессором гражданского права Военно-юридической академии.

16. Очевидно, Самарин намекал на отношение «Русского вестника» и «Современника» к началу издания славянофильского журнала «Русская Беседа», воспринимавшегося западниками в качестве либерального издания. В частности, ведущий критик «Современника» Н. Г. Чернышевский в опубликованной в 1856 г. статье «„Русская Беседа“ и её направление» писал: «Разногласие между убеждениями славянофилов, органом которых хочет быть „Русская беседа“, и убеждениями людей, против которых

начинают понимать, во-первых, что тот не может быть на стороне Правительства, кто ожидает возрождения земли не от чиновников и даже не от учёного цеха, не от административных распоряжений и не от теорий, а от подъёма народной стихии, сдавленной и сбитой, с колеи исторического развития¹⁷; во-вторых, что антихристианское начало, революционный материализм в науке и в жизни не прививается к нашей народной стихии, тогда как он удивительно разрастается на почве правительства и примкнувших к нему сословий; в-третьих, что по этой причине самая натянутая централизация составляет первое условие для развития этого начала или вообще прогресса (как понимают его последовательные западники), а насилие во имя просвещения, единственное успешное средство¹⁸; в-четвёртых, что дело науки, играющей не последнюю роль в этом движении, добить теперь последнюю веру в самосущность русской земли, доказать, что народные массы, лежащие вне исторического движения, не что более, как вещество, тогда как мысль и воля олицетворяются в Правительстве и в высших сословиях; наконец, что между Правительством и народом нет разобщения и быть его не может, как нет его между художником и глиною, из которой он лепит. Когда-нибудь, на досуге пересмотрите издания ваших друзей; вы ведь наткнётесь на эти темы. Чичерин возьмётся доказать вам, что русская община изобретена верховною властью для фискальных целей («О сельской общине» в 3-ей и 4-ой книжках «Русского Вестника» за 1856 год и книга «Об областных учреждениях»); от него же вы услышите, что разъединение между народом и государством составляет, как известно, одно из изобретений «Русской Беседы» («Русский Вестник», 1857, №16. С. 733)¹⁹. А

они восстают, касается многих очень важных вопросов. Но в других, еще более существенных стремлениях противники совершенно сходятся, мы в том убеждены. Мы хотим света и правды — „Русская беседа“ также; мы, по мере сил, восстаем против прошлого, низкого и грязного — „Русская беседа“ также; мы считаем коренным врагом нашим в настоящее время невежественную апатию, мертвенное пустодушие, лживую мишуру — „Русская беседа“ также. И, каковы бы ни были разногласия, мы уверены, что „Русская беседа“, в сущности, точно так же понимает все эти слова, как и мы» (Чернышевский, 1906: 422).

17. Здесь Самарин давал отсылку к политической концепции К.С. Аксакова, выраженной им в записке «О внутреннем состоянии России», поданной им на имя императора в 1855 г., согласно которой правительство должно править, прислушиваясь к свободному народному мнению (Аксаков, 2012: 63–64).

18. Наиболее последовательным сторонником административной централизации среди западников был Б. Н. Чичерин, являвшийся поклонником французской модели государственного устройства и видевший в государстве «устроение народного единства, призванное осуществлять интересы народной жизни» (Чичерин, 1991: 198). С другой стороны, часть западников во главе с М. Н. Катковым в то время принимала в качестве образца английскую политическую модель и выступала за минимальное вмешательство государства в общественную жизнь.

19. В 1856 г. Б. Н. Чичерин опубликовал статью «Обзор исторического развития сельской общины в России», в которой писал: «наша сельская община вовсе не патриархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собой из естественного союза людей, а устроена правительством под непосредственным влиянием государственных начал... Настоящее устройство сельских общин вытекло из сословных обязанностей, наложенных на земледельцев с конца XVI века, и преимущественно из укрепления их к местам жительства и из разложения податей на души» (Чичерин, 1856: 579–603). Идеи Чичерина вызвали критическую статью близкого к славянофилам историка И. Д. Беля-

любопытны вы знать: как относится Правительство к народу, какого рода гармония между ними существует, это объяснит вам господин Соловьёв: всё, что было лучшего в России, пошло за Петром, и на долю народа осталось бессилие смысла перед подавляющею силою привычки («Русский Вестник», 1856 года, № 1, «О древней Руси»; 1857, № 8, «О Шлёцере»)²⁰. Не хотите ли вы сделать из этих посылок практический вывод? Вам поможет господин Корш: «Если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие по большей части ждёт внешнего побуждения, то нечего сетовать, что в Индии английский солдат, а в Стирии австрийский жандарм являются орудиями образованности» («Атеней», № 1)²¹. Понимаете ли, что всё это сводится к одному: в России живёт, развивается, движется вперёд Правительство и сословия, к нему примкнувшие; народ только упорствует, но разумного и правомерного сопротивления с его стороны нет; так почему же бы Правительству не употребить и принудительных мер? Я имею доказательства (в последних ваших сочинениях), что вы далеко не разделяете этого взгляда; но вопрос не в том, верен ли он или нет, а которое

ева, напечатанную в журнале «Русская Беседа». Отвечая на критику Беляева, Чичерин опубликовал в третьем и четвёртом номерах «Русского Вестника» за 1856 г. статью «Ещё раз о сельской общине (Ответ г. Беляеву)». В том же году Чичерин издал свою магистерскую диссертацию «Областные учреждения в России в XVII веке», в которой писал, что деятельность общин являлась повинностью для удовлетворения государственных потребностей. Продолжая полемику со славянофильским журналом, он выпустил статью «Критика господина Крылова и способ исследования «Русской Беседы», опубликованную в десятом томе «Русского Вестника» за 1857 г. и содержащую утверждение об изобретении славянофилами разъединения народа и государства.

20. В 1857 г. С. М. Соловьёв опубликовал направленную против славянофилов статью «Шлёцер и антиисторическое направление», в которой говорилось: «Мы имеем возможность изучить характер древнего русского общества в большей или меньшей полноте в настоящее время на одном из сословий, именно — на сословии земледельческом, в общих чертах одинаковом везде. Однообразие, простота занятий, подчинение этих занятий природным условиям, над которыми трудно взять верх человеку, однообразие форм быта, разобщение с другими классами народа ведут в земледельческом сословии к господству форм, давностию освященных, к бессознательному подчинению обычаю, преданию, обряду. Отсюда в этом сословии такая удерживость относительно старого, такое отвращение к нововведениям, осязательно полезным, такое бессилие смысла пред подавляющею силою привычки» (Соловьёв, 1857: 463–464). К. С. Аксаков опубликовал в издававшейся им газете «Молва» замечания на данную статью Соловьёва, в которых писал: «Жестоко и несправедливо слово почтенного учёного об земледельческом сословии, об этом сословии, которое почитает и чувствует себя не как отдельное лицо и не как село, а как христианское братство, как русский народ. Для него дорога слава и добро России» (Аксаков, 2009: 502).

21. Е. Ф. Корш в первом номере журнала «Атеней» за 1858 г. поместил статью «Взгляд на задачи современной критики», в которой писал: «Конечно, можно бы желать, чтобы они [варварские обычаи] прекратились «внутренним воздействием жизни народа», как недавно выразился один журнал, но если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие по большей части ждёт внешнего побуждения, то нечего сетовать, что в Индии английский солдат, а в Стирии австрийский жандарм являются орудиями образованности» (Корш, 1858: 65). Следует отметить, что в статье говорилось о действиях жандармов по искоренению обычаев славянского населения герцогства Штирия, входившего в состав Австрийской империи.

из двух учений сочувственнее Правительству, которое больше благоприятствует административному разгулу власти: учение Славянофилов или учение их противников?

Выслушайте ещё объяснение по предмету, касающемуся меня лично. В 1847 году я напечатал в «Москвитянине» статью, в которой между прочим разобрал «Обозрение юридического быта древней Руси» Кавелина²². Он выводил идею общества из личной автономии, из личности, ставящей себя началом и мерилom всего... Вот его слова: «Развивши начало личности донельзя, Европа стремится дать в гражданском обществе простор человеку и пересоздать всё общество»²³. Я доказал, что дойти до идеи человека путём исчерпывания личностей так же невозможно, как дойти до идеи целого перебором единиц; что, поддаваясь утомлению или уступая необходимости, личность ограничивает себя, в пользу самой себя, то есть, ставит или допускает общество как средство, удобное для достижения ея личных целей и, следовательно, всегда подчинённое им. Этим путём возникает условная, искусственная ассоциация, осуждённая историею; но нельзя вывести обязательного закона общежития. Я спрашивал: «Каким образом начало разобщающее (личность) обратится в противоположное начало примирения и единения». Находясь в Риге во время печатания моей статьи, я, разумеется, не мог держать в руках корректуры. Статья моя вышла с ужаснейшими опечатками, между прочим, последняя фраза, мною сейчас цитованная, вышла в таком виде: «Каким образом начало разобщающиеся обратится в противоположное начало принижения и единения». Слово «принижение» не русское и трудно предположить, чтобы грамотный человек мог употребить его. Опечатки были очевидны, но Кавелину благоугодно было, вместо того, чтобы представить серьёзное возражение, выехать на опечатке и заявить с ирониею, что он не может сочувствовать теории принижения²⁴. Цель достигнута; мысль противника искажена, благородство намерений его заподозрено, публика смеётся, студенты рукоплещут любимому профессору и выносят убеждение, что противник его проповедует рабство, низость, подлость. Чего же лучше? С тех пор пошла ходить по свету принижающаяся личность, и вы в последней книжке «Полярной звезды» не усомнились, говоря о славянофилах, употре-

22. Ю. Ф. Самарин опубликовал в журнале «Москвитянин» (1847. № 2) статью «О мнениях „Современника“ исторических и литературных», в которой разобрал статьи К. Д. Кавелина, А. В. Никитенко и В. Г. Белинского.

23. К. Д. Кавелин в статье «Взгляд на юридический быт древней России», опубликованной в первом номере «Современника» за 1847 год, трактовал переход Европы от Средневековья к Новому времени следующим образом: «Развивши начало личности донельзя, во всех его исторических, тесных, исключительных определениях, она [Европа] стремилась дать в гражданском обществе простор человеку и пересоздавала это общество» (Кавелин, 1989: 66).

24. В декабрьском номере «Современника» за 1847 г. Кавелин опубликовал «Ответ „Москвитянину“», в котором писал: «И что за требование общей... нормы для людей, перед которой все добровольно и сознательно „принижаются“? <...> Право, чтобы убедиться в этой мысли, надо быть влюблённым в неё до полного пренебрежения действительности; ибо самое поверхностное наблюдение, очевидно приводит к другим результатам» (Кавелин, 1897: 74).

бить выражение: «Их принижающаяся личность!»²⁵ Скажите сами, поступают ли так в честной борьбе.

Говорить ли о ваших портретах²⁶? Перед Полевым²⁷, Белинским, Галаховым²⁸, вами созданными, невольно приходит на память восклицание Дон-Жуана (у Пушкина), перед статуей Командора:

Какие плечи! Что за Геркулес!
А сам покойник мал был и тщедушен!

Впрочем, с этим легко мирится возгоренное чувство! Идеализация не мешает сходству и придаёт смысл изображению; но зачем вы меряете друзей своих одним аршином, а *nos amis les ennemis*²⁹ другим? Неужели вы этого не сознаёте? Белинский когда-то выразился так: «Мать святая гильотина!» — и вы приходите в восторг: «Что за широкая и мощная натура!»³⁰ Погодин заявлял всю жизнь свою ненависть к аристократии — «что за ограниченность! В России толковать об аристократии и т. д.»³¹...

25. В четвёртой книге «Полярной звезды», вышедшей в 1858 г., Герцен поместил отрывок из третьей части «Былого и дум» под названием «Москва после второй ссылки (1842–1847)», который в последующих изданиях вошёл в состав четвёртой части воспоминаний. В его третьей главе он писал: «На славянах лежит грех, что мы долго не понимали ни народа русского, ни его истории, их невожатые преувеличения и иконописные портреты былого, их «принижающаяся личность» и дикая ненависть ко всему западному без разбора, вызвали с нашей стороны противудействие даже тому, что в их воззрении было справедливо» (Герцен, 1967: 133).

26. Об Н. А. Полевом Герценом писал в главах из «Былого и дум», опубликованных в 1855 году в «Полярной звезде», о В. Г. Белинском говорилось в главах из «Былого и дум», напечатанных в «Полярной звезде» в 1856 году. В третьей части «Былого и дум», опубликованной в «Полярной звезде» в 1858 году, Герцен дал портрет И. П. Галахова.

27. *Полевой Николай Алексеевич* (1796–1846) — журналист, писатель, историк и переводчик. В 1825–1834 гг. издавал журнал «Московский телеграф», закрытый по личному распоряжению Николая I за неодобрительный отзыв о драме Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Впоследствии издавал ежегодник «Живописное обозрение» (1835–1844) и журнал «Русский Вестник» (1841–1844), в 1838–1840 гг. редактировал журнал «Сын Отечества».

28. *Галахов Иван Павлович* (1809–1849) — друг А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, в последние годы жизни преимущественно жил за границей, где испытал сильное увлечение фурьеризмом.

29. Наши друзья-враги (*фр.*). Цитата из песни П. Ж. Беранже «Мнение этих девиц». Герцен назвал славянофилов «*nos amis les ennemis*» в главе XI ч. III «Былого и дум», опубликованной в «Полярной звезде» в 1855 году (Герцен, 1966: 150).

30. Об этой фразе Белинского также упоминал И. И. Панаев. В «Литературных воспоминаниях» он писал: «Постепенно одушевляясь, Белинский раздражался против русского человека вообще, против его апатии, равнодушия ко всему, беспечности, против отсутствия в нем всякой любознательности, и все это приписывал нашей славянской породе. — Прежде нам была нужна палка Петра Великого, — говорил он, — чтобы дать нам хоть подобие человеческого; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова. Нашего брата славянина не скоро пробудишь к сознанию. Известное дело — покуда гром не грянет, мужик не перекрестится. Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина — хорошая вещь!» (Панаев, 1988: 244).

31. В главе III, третьей части «Былого и дум», опубликованной в четвёртой книге «Полярной звез-

А что вы сделали из Хомякова³²? Допросите себя в минуту душевного спокойствия и скажите: можете ли вы добросовестно не чувствовать и не ценить в нём глубины убеждения, выдержанного во всей его жизни? А вы из него сделали бретёра и хохотуна! То есть вы поставили ему в вину безоружную простоту его обращения, полное отсутствие натяжки, театральности, эффектов. Зачем он не рисуется, не хмурит бровей, не отпускает отточенных и на досуге придуманных фраз, зачем говорит со всеми, а не с одними избранными. Это похоже на то, как некоторые у нас, в старину, называли Гоголя балагуром, потому что он писал всё больше смешное. Не найти сказать про Хомякова ничего больше, как то, что он охотник спорить и всё смеётся, это так же верно характеризует его как человека, как если бы кто-нибудь сказал про Грановского, что это был господин, любивший дружеския попойки и игру в лото. Предоставьте этого рода суждения членам наших клубов и первым четырём классам³³.

В последние годы вы далеко подвинулись вперёд и вы, конечно, сами вполне знаете, что последние результаты, к которым вы пришли, не только не разобчили, а напротив, сблизили вас с нами. Это очевидно для всякого и очень естественно.

Тот порядок вещей, с которым связаны ваши сочувствия и надежды — свобода слова, гласность, новья начала общественности, прерванные попытки преобразования, — это всё в большей части западной Европы сделалось старинною, и вы, ожидающие, что эта старина воскреснет, относитесь теперь к современной Франции, Австрии и Италии почти так же, как относился Пётр Васильевич Киреевский к допетровской Руси, а какой-нибудь Mr Granier de Cassagnac³⁴ поглядывает на вас с тем же состраданием к вашим антиисторическим стремлениям и к вашему упорному коснению в старых предрассудках, с каким здесь смотрит на нас die gelehrte Zunft³⁵ — Соловьёвы, Леонтьевы, Ешевские и Корши. Но вот что странно. В последних сочинениях ваших заметны как бы две пересекающиеся струи или две полосы. С одной стороны, развёр-

ды» в 1858 г., Герцен утверждал, что Погодин был добросовестно раболепен из ненависти к аристократии. Говоря о нём, Герцен писал: «Выбрать самую сухую и ограниченную эпоху русского самовластья и опираясь на батюшку царя, вооружиться против частных злоупотреблений аристократии, развитой и поддержанной той же царской властью, нелепо и глупо» (Герцен, 1956: 163–164).

32. В опубликованном в 1858 г. в «Полярной звезде» фрагменте из «Былого и дум» в главе III Герцен писал о Хомякове: «Он... горячо, весело и чуть ли не бесплодно проспорил всю свою жизнь. Ум сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на них, богатый памятью и быстрым соображением, натура больше ослепительная, чем светлая, он забрасывал словами и цитатами, над всем издевался, заставлял человека смеяться над собственными убеждениями, не передавая ему тех, которых считал истинными. Он мастерски ловил и мучил на диалектической жаровне остановившихся на полдороге, пугал робких, приводил в отчаяние дилетантов и при всём этом смеялся, как казалось, от души» (Герцен, 1967: 141–142).

33. Имеется в виду высшее светское общество: члены Английских клубов в Москве и Санкт-Петербурге и лица, обладавшие генеральскими чинами, которые относились к I–IV классам Табели о рангах.

34. Гранье де Кассаньяк Адольф (1808–1880) — французский публицист. При Июльской монархии поддерживал Орлеанскую династию, с 1848 года стал ярым сторонником бонапартизма. В годы Второй империи издавал официозную газету «Pays», являвшуюся одним из главных органов бонапартистов.

35. Учёный цех (нем.).

тывается перед читателем в последовательном движении живая мысль, умудряемая историческим опытом последних годов; с другой, раздаются какие-то давно затверженные мотивы, повторяемые по старой привычке, но без всякой поверки, без участия вашего теперешнего сознания.

Вы не верите в Бога; по крайней мере вы думаете, что вы в него не верите, а между тем, срываются же у вас с языка выражения, подобныя этим: не дай Бог, слава Богу и т. п. Точно так же повторяете вы суждения и насмешки, принадлежащая к московскому периоду вашего развития, которые при теперешнем вашем образе мыслей падают на вашу голову. В превосходном разборе книги Корфа я читаю вот что: «Настала пауза (царствование Николая) долгая, мучительная, потратившая всё наше поколение и ещё одно. Эта задержка, эта остановка дыхания, нравственное недоумение, мало по малу стало разрешаться в мысль, что стихии развития надобно искать в самом народе, а не в перенесении чуждых форм»³⁶. Любопытно бы, однако, было узнать, кто были органами этой мысли? Не Полевой ли, не Белинский ли, не «Отечественные» ли «записки» и «Современник»? Далее: «На своей больничной койке, Европа, как бы исповедуясь или завещая последнюю тайну скорби, ею поздно приобретённую, указывает как единый путь спасения именно на те элементы, которые сильно и глубоко лежат в народном характере и притом не одной петровской России, а всей русской России. Потому мы думаем, что у нас развитие пойдёт другим путём».

Я искренно обрадовался, прочитав те строки, и вы сейчас поймёте почему. В 1854 году, вот что было напечатано мною в «Москвитянине»: «Борьба романского начала с германским, авторитета с свободой, католичества с протестантством — окончена, но не разрешена; силы истощены, а цель не достигнута. Западный мир пришёл к убеждению в несостоятельности того и другого начала и выражает теперь потребность их примирения в живой органической общине. Это требование совпадает с нашею народною субстанциею; в ответ на западную формулу мы приносим живой быт и в этом точка соприкосновения нашей истории с западною»³⁷. Согласитесь, что моя мысль довольно сходна с вашею; между тем, разбирая в одной из ваших брошюр мою тогдашнюю статью, над которой во время оно издевались Белинский и Кавелин, вы не преминули выставить их защитниками прогресса, а меня — поборником коснения, неподвижности и т. д.³⁸ Почему? — Потому что, когда-то давно, в Москве с именами

36. Здесь и ниже Самарин цитирует открытое письмо Герцена к Александру II по поводу книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», опубликованное в «Колоколе» 1 октября 1857 г. (Герцен, 1958: 45).

37. Это, очевидно, описка: в 1854 году Ю. Ф. Самарин в «Москвитянине» никакой статьи не печатал. В статье «О мнениях „Современника“ исторических и литературных», напечатанной в «Москвитянине» в 1847 году, Самарин писал: «Западный мир выражает теперь требование органического примирения начала личности с началом объективной и для всех обязательной нормы — общины <...> Это требование совпадает с нашею субстанциею <...> в оправдание формулы мы приносим быт, и в этом точка соприкосновения нашей истории с западною» (Самарин, 1877: 64).

38. В брошюре «О развитии революционных идей в России» Герцен писал о статье Самарина следующее: «В возражении „Москвитянина“, почерпнувшего свои доводы в славянских летописях, греческом катехизисе и гегельянском формализме, опасность, которую представляет собой славянофиль-

Хомякова, Аксакова, Самарина связывались все эти прилагательные, и вы продолжаете их бранить, не замечая, что повторяете от себя их слова.

Вы сравниваете Европу с больным, издыхающим на своей койке; вы уверяете, говоря о западных людях, что «в этой упрямой упорности и произвольном непонимании так и стучишь головою о предел мира завершённого и т.д.»³⁹. Тому назад лет десять Хомяков и Киреевские развивали ту мысль, что мы можем и должны заимствовать от Западной Европы всевозможные материальные ее богатства и приобретения, весь фактический запас знания, накопленный веками; но что Европа не может быть для нас ни образцом, ни идеалом для подражания, потому что в ней самой нет той полноты и цельности внутреннего убеждения, в которой заключается сила исторического творчества. Эта сила в ней иссякла.

Итак, разница между вами и ими состоит в том, что они усмотрели болезнь накануне того дня, когда больного отвели в лазарет, а вы на другой день. И после того вы продолжаете (в последнем № «Полярной звезды») ставить им в вину их дикую ненависть к Западу⁴⁰. Ведь уж теперь вы должны понимать, что то, что казалось вам дикою ненавистью, было просто признанием факта, в котором и вы теперь убедились. Но ещё то ли говорят ваши сотрудники! В 8-ом листе «Колокола» помещена статья «О крестьянской общине»⁴¹. Из нея видно, что автор очень неясно понимает предмет статьи; но не об этом речь. Любопытна аргументация: противники общины говорят, что это младенческая форма, через которую прошли все западные народы и от которой они оторвались, которую они отвергли, из чего следует, что она несовместна с дальнейшим историческим развитием. Это вовсе не доказательство, говорит автор статьи; мало ли что пропадает в жизни народов вследствие внешних причин, насилий и т. п. Надобно бы доказать, что западные народы сознательно и добровольно отrekliсь от общины, а этого-то и нельзя доказать⁴².

Итак, в жизни не только одного народа, но целой группы народов, целого мира торжество одного начала над другим вовсе не служит ещё доказательством превосходства победившего над побеждённым; иными словами: настоящий исторический ство, становится очевидной. Автор-славянофил полагал, что личный принцип был хорошо развит в древней Руси, но личность, просвещённая греческой церковью, обладала высоким даром смирения и добровольно передавала свою свободу особе князя. <...> Если славянофилы хотят представлять серьёзное воззрение, реальную сторону общественного сознания, наконец, силу, стремящуюся найти себе реальное воплощение в русской жизни, если они хотят чего-то большего, нежели археологические диспуты и богословские споры, то мы имеем право потребовать от них отказа от этого безнравственного словесного блуда, от этой извращённой диалектики» (Герцен, 1954: 244–245).

39. Источник цитаты не установлен.

40. См. примечание 22.

41. Статья Н. П. Огарёва из цикла «Русские вопросы», посвящённая крестьянской общине, была опубликована в «Колоколе» 1 февраля 1858 года.

42. В статье Огарёва говорилось: «Феодализм отнял земельную собственность у народов и сосредоточил её в руках немногих. <...> Доказывает ли это, что общинное устройство, сложившееся в младенческом состоянии обществ, несовместно с дальнейшим развитием образования? Нисколько. История может доказать только, что общинное устройство, если оно лежало в основе европейских обществ, было вытеснено совершенно внешними причинами» (Огарёв, 1962: 60).

момент может и не заключать в себе всего смысла, всех зачатков предшествовавших моментов; может быть в них лежат такие семена, только временно подавленные, которым суждено ещё прорасти в будущем.

Сжальтесь; да мы целых двадцать лет твердили это, говоря о древней и петровской Руси, и вы же, и все ваши браните нас за староверство и т. д. И в этой же статье автор позволил себе, говоря об нас, употребить вот какие выражения: «Находясь в направлении равно безумного и преступного обратного шествия, они видят будущность позади, смотря вперёд затылком»⁴³. Где же тут логика, здравый смысл, литературная честность? А ещё автор (Огарёв?) заступает за общину! Любопытно бы было спросить его: кто отстоял её в науке, безумцы и преступники, или его друзья и что бы, по его мнению, сделалось с нашей общиной, если бы, тому назад лет пять, исполнительная власть попала в руки умников и законников, Белинского, Кавелина и пр.? Я ещё надеюсь дожить до того времени, когда нас потянут к ответу, зачем мы не умели угадать и оценить древнюю сельскую нашу общину, в то время, когда за неё распинались Грановский, Чичерин и Белинский.

Вы, конечно, понимаете, что я прошу у вас только того, что каждый вправе ожидать от другого — внимания к чужому мнению и справедливости. Смешно бы было, если бы я стал уверять вас в единомыслии. Признавая с радостью, что мы во многом сблизились, я очень хорошо знаю, что непереступная черта меж нами есть. Вы стремитесь к последствиям и отворачиваетесь от начала; вы дорожите применением и не хотите слышать про силу. Вы требуете общинности в устройстве собственности, в организации промышленности, кредита и т. д., но вы не видите, что всякая община предполагает обязательное и свободное, но не произвольное самоотречение лица в пользу общественного союза, что закон может претендовать на обязательность только во имя нравственного долга и что чувство долга и сознание нравственного и безнравственного так же немислимо без религиозной основы, как нельзя себе представить вещество, наполняющим пространство, которому нет пределов, и носящимся в пространстве, в котором нет пустоты, — чему вы учите молодых людей⁴⁴... Но довольно; не заводите же спора между Москвою и Лондоном. А много бы я дал, чтобы провести с вами с глазу на глаз несколько вечеров. Обо многом и многом хотелось бы вас расспросить и вам пересказать. Но теперь моя поездка за границу, давно замыш-

43. В вышеуказанной статье Огарёв разбирает полемику западников и славянофилов об общине и писал: «Враждующие стороны остались каждая при своём. Одна, находясь в направлении равно безумном и преступном, видит будущность назад, смотрит вперёд затылком; другая просто разрабатывает историю, добросовестно и с пользой для науки, но не даёт ничего прилагаемого к дальнейшему развитию современной русской действительности» (Огарёв, 1962: 59).

44. В статье «Опыт бесед с молодыми людьми», опубликованной в «Полярной звезде» в 1858 году, Герцен утверждал: «Мы имеем один факт, не подлежащий нашему суду... это факт существования в природе чего-то непроницаемого в пространстве — вещества. <...> Пространств без вещества мы не знаем, мы знаем только, что в иных пространствах вещества больше, то есть что они гуще и плотнее, в других меньше, то есть они жиже и пустее». В той же статье, говоря о возникновении мира, он писал: «Вы себе представьте глухую ночь бесконечного пространства, в котором носится разрежённое вещество» (Герцен, 1958: 53–54).

ляемая, отложена надолго. Я назначен от Правительства депутатом в Крестьянский Комитет по Самарской губернии⁴⁵. На днях еду туда. Предчувствую ожесточённую борьбу, такую борьбу, в которой всякого рода оружие, может быть, и кулаки пойдут в дело. Пожелайте же мне успеха. Крепко обнимаю вас с полным уважением и искренним сочувствием.

Юрий Самарин

P. S. Кстати, я послал вам слишком год тому назад четыре статьи для «Голосов из России»: 1) Большую записку о мерзости крепостного права и об упразднении его, писанную в 1854 году. 2) Статью под заглавием «Чему мы должны научиться» — писанную после Парижского мира. 3) «Письмо к Генералу Лидерсу», по поводу его приказа, данного армии о том, чтобы офицеры не поднимали на смех ратников ополчения. 4) Статью «О влиянии одежды на общественный быт». Отчего вы ничего не напечатали?⁴⁶

Теперь позвольте Вам дать совет. Вы, вероятно, знаете, что Ростовцев страшно идёт в гору⁴⁷. Он уже почти заправляет Министерством внутренних дел, крестьянский вопрос в его руках, и начинающаяся реакция как по эмансипации, так и по цензуре идёт главнейшим образом от него. Это вреднейшая и опаснейшая скотина, потому что и он один обладает страшным иезуитизмом. Необходимо нанести ему сильный удар, и лучше этого сделать нельзя, как разбором его печатной инструкции о преподавании в кадетских корпусах. В ней, между прочим, буквально сказано, что совесть нужна человеку, в частном, домашнем быту, а на службе и в гражданских отношениях её заменяет воля начальства. Разберите подробно это образцовое произведение Лойолы-фельдфебеля. Никто не сделает этого, как Вы. Но только, ради Бога, не упоминайте об его участии в деле 14-го Декабря: это вменяется ему в заслугу, а его нужно убить; далее, не бранитесь, а разбирайте как можно спокойнее, устраняя Ваши политические убеждения; наконец, бросьте Незабвенного и не браните его. Это оскорбляет государя. Нужно, чтобы вслед за Вами всякий здравомыслящий и честный человек мог подписать приговор Ваш Ростовцеву, не приобщаясь ни к какой по-

45. По предложению самарского губернатора К. К. Грота Ю. Ф. Самарин стал членом от правительства в Самарском губернском комитете по крестьянскому делу и летом 1858 г. выехал в Самару.

46. Эти рукописи были переданы Самариним его двоюродному брату князю М. А. Оболенскому, который должен был доставить их Герцену, однако до Герцена они не дошли. Следующий абзац отсутствует в архивной копии, использовавшейся нами при подготовке настоящего издания, и печатается по тексту первой публикации письма (Самарин, 1883: 11–12).

47. *Ростовцев Яков Иванович* (1803–1860) — генерал-адъютант, председатель Редакционных комиссий (1859–1860). В молодости примыкал к тайным обществам декабристов. Накануне Восстания 14 Декабря 1825 г. явился к Николаю I и сообщил ему планы заговорщиков, что в значительной мере предопределило неудачу Восстания. Вплоть до лета 1858 г. относился к идее освобождения крестьян сдержанно, затем резко переменял свои взгляды. По легенде, эта перемена была связана с последней просьбой его сына, просившего перед смертью отца, загладить свою вину в деле 14 Декабря.

литической партии, не становясь под Ваше знамя, не навлекая на себя подозрения, что, дескать, это говорят и этого добиваются только красные⁴⁸.

Литература

- Аксаков И. С. (1988). Вопросы, предложенные И. С. Аксакову III Отделением // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука.
- Аксаков К. С. (2009) Замечания на статью г. Соловьёва «Шлёцер и антиисторическое направление» // Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации. С. 458–500.
- Аксаков К. С. (2012). Записка о внутреннем состоянии России // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы / под ред. А. А. Шириянца. М.: Изд-во Московского университета. С. 54–77.
- Герцен А. И. (1954). Сочинения в 30-ти т. Т. VII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1956). Сочинения в 30-ти т. Т. IX. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1957). Сочинения в 30-ти т. Т. XII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1958). Сочинения в 30-ти т. Т. XIII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1966). Былое и думы // Полярная звезда. Книга 1. М.: Наука.
- Герцен А. И. (1967). Былое и думы. Отрывок из третьей и четвертой части // Полярная звезда. Книга IV. М.: Наука.
- Гиляров-Платонов Н. П. (1886). <Похороны И. С. Аксакова> // Современные известия. 1886. № 31. С. 1–2.
- Кавелин К. Д. (1897). Ответ «Москвитянину» // Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. С. 67–96.
- Кавелин К. Д. (1989). Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда. С. 11–67.
- Корш Е. Ф. (1858). Взгляд на задачи современной критики // Атеней. 1858. Ч. 1. С. 61–69.
- Коссович К. А. (2007). Несколько слов в память А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Дар песнопенья. О старом и новом. Церковь одна. Труденик. М.: Русский Миръ. С. 493–499.
- [Огарёв Н. П.] (1962). Русские вопросы // «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Выпуск I. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Панаев И. И. (1988). Литературные воспоминания. М.: Правда.
- Пирожкова Т. Ф. (1997). Славянофильская журналистика. М.: Изд-во МГУ.
- Самарин Д. Ф. (1889). Предисловие // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 7. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко. С. I–СХХХV.

48. Данная просьба была выполнена Герценом в его статье «Чёрный кабинет», опубликованной в «Колоколе» 1 августа 1858 г. (Герцен, 1958: 300–306). Следует отметить, что Ростовцев утверждал, что никогда бы не написал фразу, что воля начальства заменяет на службе совесть. В написанном им «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» говорилось: «Что совесть для внутренних побуждений человека и для деяний его неизобличенных и неисследимых, то власть верховная для явных исследимых его действий... закон совести, закон нравственности обязателен человеку как правило для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный, обязателен ему как правило для его общественных отношений» (цит. по: Герцен, 1958: 570).

- Самарин Ю. Ф.* (1877). О мнениях «Современника» исторических и литературных // *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. Т. 1. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко.
- Соловьёв С. М.* (1857). Шлёцер и антиисторическое направление // *Русский Вестник*. Т. 8. С. 431–480.
- Тесля А. А.* (2010). Цензурный запрет «Московского сборника» // Шестые Страховские чтения: проблемы понимания в философии и культуре (Белгород, 25–26 ноября 2010). Белгород: Изд-во БелГУ.
- Хомяков А. С.* (1900). Письмо А. С. Норову // *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Университетская типография. С. 472–474.
- Чернышевский Н. Г.* (1906). «Русская беседа» и её направление // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Скоропечатня П. О. Яблонского.
- Чичерин Б. Н.* (1856). Обзор исторического развития сельской общины в России // *Русский Вестник*. Т. 1. С. 373–396.
- Чичерин Б. Н.* (1991). Воспоминания // *Русское общество 40–50-х гг. XIX в.* Ч. 2. М.: Изд-во МГУ.